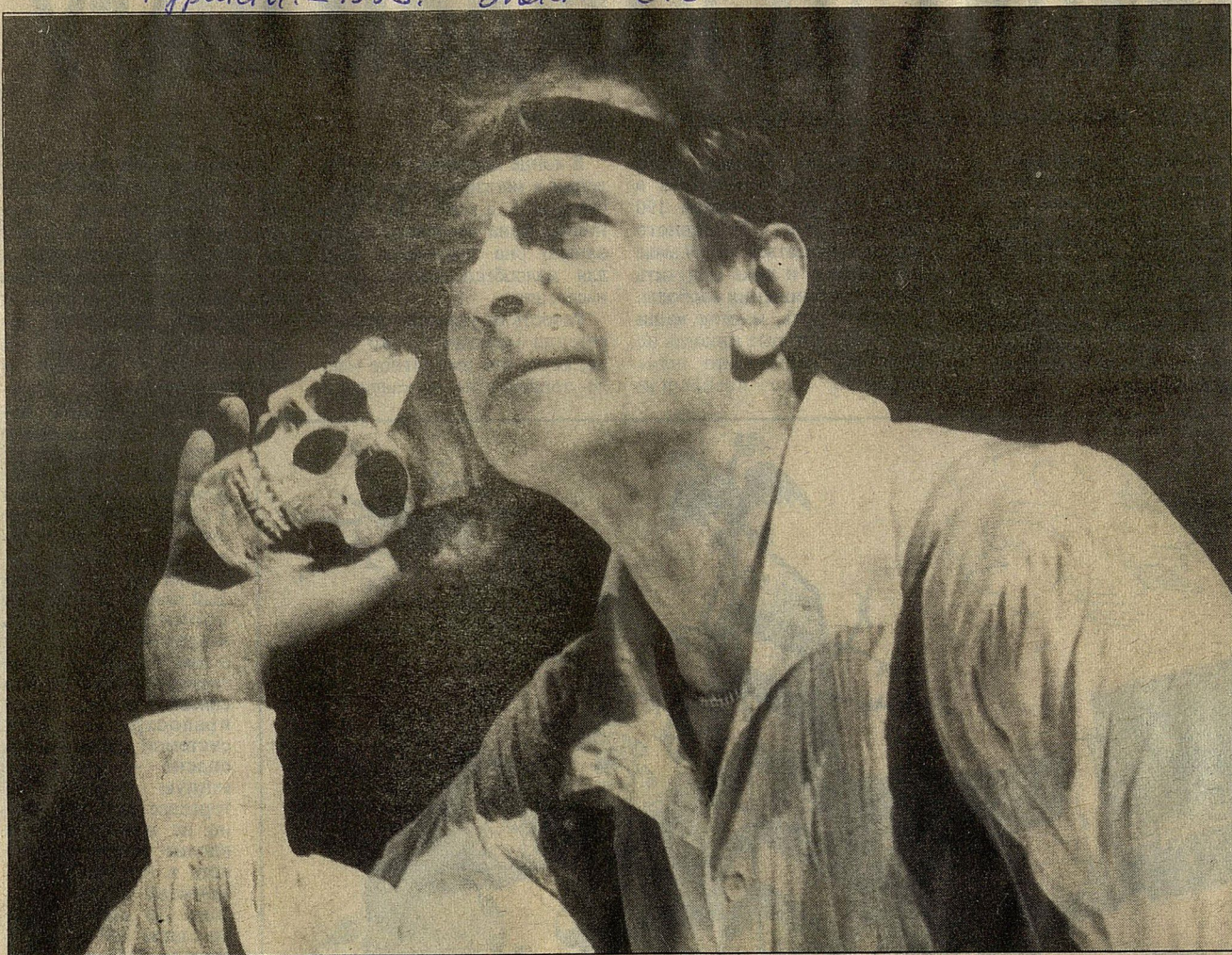

Еще Пушкин заметил, что гений в минуты отдохновения меж ничтожными детьми мира может оказаться самым ничтожным.

Удобное тому подтверждение — знаменитый английский актер Эдмунд Кин, со сцены потрясавший шекспировскими страстями, а в быту слышавший гулякой, пьяницей и скандалистом. Сделать столь яркую личность персонажем собственных пьес не брезговали ни Александр Дюма, ни Жан-Поль Сартр. Не избежал соблазна и наш современник Григорий Горин, сочинивший трагикомедию под названием “Кин IV”.

Драматург, для которого обращение к реальной исто-

Кин в салонной “лавке”

рической фигуре всегда лишь повод поразмыслить о проблемах сегодняшних и о вечности как таковой, и на сей раз остался верен себе. “Вечный” спор он доверил главным персонажам — самому Кину и его другу-недругу принцу Уэльскому, впоследствии английскому монарху Георгу IV. Но в Театре имени Маяковского публику от серьезных материй решили уберечь: “Кин IV” в постановке Татьяны Ахрамковой сильно похож на салонную комедию, к финалу волею сюжета оборачивающуюся столь же салонной драмой.

В этом спектакле все действуют шутя, дурачась, не всерьез, во всех всего в меру — и милоты, и обаяния, и злокозненности. Уютнее всего в этом мире типажей и масок чувствует себя Светлана Немоляева в роли светской сплетницы Эми Госуилл, перзрелой львицы, прячущей коготки за жеманными ужимками, да Игорь Костолевский, элегантно и чуть отстраненно играющий царственную особу.

Зато Кин в салоне что слон в посудной лавке. Александр Лазарев, строго соблюдая правила игры, изображает все бы-

товые актерские “прелести”. Да вот беда: масштаб личности здесь предлагается явно не того калибра. Уж очень мелко в страстях сей “гуляка праздный”, его взаимоотношения с королем больше напоминают типично кухонную свару. Кин-гений из этого действа упразднен начисто, оставшись в качестве прославленного актера лишь в пантомимах-интермедиях как пародия на самого себя.

Татьяна ИСКАНЦЕВА.

На снимке: Александр Лазарев — Кин IV.

Фото
Михаила ГУТЕРМАНА.